

Евгений Рякин

СЛУГА НАРОДОВ

ИЛИ ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ МЭРА

Евгений Рякин

Слуга народов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69505288

SelfPub; 2023

Аннотация

Мэр небольшого городка оплёл коррупционными сетями всё, до чего смог дотянуться. Вот и сейчас он ждёт новый откат, размышляя о том, на что его потратить. Однако не всем мечтам суждено сбываться, а некоторых желаний так и вовсе стоит опасаться, поскольку они могут затянуть туда, откуда нет возврата.

Евгений Рякин

Слуга народов

Александр Петрович Провалов комфортно устроил своё мягкое место в кресле Главы города почти шесть лет назад, однако ещё никогда за это время день не тянулся для него так томительно. Минутная стрелка волочилась за часовой, словно пьяный, но робкий портовый матрос за благовоспитанной барышней.

Для того чтобы скоротать ожидание, Александр Петрович ещё со вчерашнего дня загадал, что непременно решит накопившиеся с позапрошлого месяца дела, поэтому он приехал в администрацию не в двенадцать часов, как обычно, а «сосранья», как он выражался. С суровым лицом пригласил замов с докладами и даже подписал документы, до которых несколько недель не доходили руки (а потом некоторые прочитал). Ещё полчаса убил, в очередной раз осиливая смысл игры «сапёр», и почти до полудня в задумчивости расхаживал по кабинету, изучая вверенный ему город из окна, пока не настало время обедать. После борща, пюре с котлетами и ста граммов беленькой Александр Петрович заперся в комнате отдыха, раскинулся на мягком кожаном диване и попытался соснуть было пару часов, но почему-то даже не зевалось. «Зря, ох зря», – подумал Глава. – «Надо было вчера подолее за столом посидеть, попозднее бы лёг, попозже бы

встал, похмелился, пока то да сё, глядь вечер наступил. Позавчерась так сделал и во вторник тоже, чего вчера не додумался?!».

Минутная стрелка не торопилась. В гнетущей тишине отчётливо раздался протяжный неприятный звук – это лопалось терпение Александра Петровича. Три часа, четыре, четыре пятнадцать, четыре двадцать две, двадцать три. «Тьфу ты, сволочи, что делают», – непонятно на кого злился Глава.

Когда время подошло к пяти, Александр Петрович отпустил секретаршу Оленьку домой, ласково потрепав её по мягкой попе. Оставшись один, он погасил свет в приемной и с шумом плюхнулся в расшатанное Оленькой же кожаное кресло. Долгожданного звонка все не было, оттого Глава немного нервничал, кусал ногти и запивал их крепким кофе. Телевизор смотреть не хотелось, разглядывать голых девок в интернете – тоже. Нетерпение расплзлось по всему телу, как клякса в школьной тетради в самом начале сочинения на тему «Смысл жизни «Героя нашего времени».

Сызмальства Александр Петрович ненавидел эти сочинения, размышления и ливерную колбасу, зато обожал праздники, хотя уже тогда их предвкушение изрядно его раздражало. Вот и теперь, в ожидании заслуженного презента, огромная фигура Провалова не находила себе места, шумно вздыхала и теребила свой письменный прибор.

Тайна нетерпения раскрывалась просто: глава города должен был сегодня получить свои кровные, не совсем, правда,

праведно заработанные три с половиной миллиона рублей. Город был далек от федеральных распилов бюджета, и даже такая незначительная сумма была ему на руку. Это в центре можно заработать в тысячи раз больше – там такие же чиновники покупали себе участки земли вдоль шоссе, отдыхали в президентских номерах на курортах Европы и устраивали вечеринки, приглашая в сауны звезд эстрады. Там было всё, что только мог получить от жизни начальник его ранга, а здесь...

Хотя и тут не так уж и плохо. За несколько лет в должности Главы, Александр Петрович добился ощутимых результатов, вырос в собственных глазах и раздался вширь. Город нёс постоянный стабильный доход. Конечно, сначала он не понимал, как это делается, но добрые люди подсказали – и понеслось. В первые месяцы правления, ещё осторожничая, он сдал в аренду своей сестре, по частям, несколько тысяч квадратных метров муниципальной недвижимости. Та отдала её в субаренду примерно в четыре раза дороже; конечно же, по письменному распоряжению Главы. Так семейный тандем вступил в стадию первичного накопления капитала.

Потом муж сестры возглавил фирму, которой муниципалитет передал исключительные права на размещение рекламы в пределах города, и тандем стал монополистом в этой области – фирма продавала рекламные площади другим организациям, платила копейки в бюджет, а разницу оставляла себе. Счет пошёл на сотни тысяч. Ежемесячно.

Сколотив небольшое состояние, семейный бизнес стал разрастаться со скоростью геометрической прогрессии. Сын сестры за копейки приобретал квартиры на первых этажах центральных улиц города, рушил стены и открывал там залы игровых автоматов. Через год он уже устраивал презентации собственных турагентств, казино, сети аптек и двух супермаркетов. А вскоре расторопный племянш начал ставить на территории города автозаправочные станции: пусть иногда рядом с жилыми домами, но кого это, в конце концов, волновало? А если какой-нибудь недалекий борец за права начинал вставлять палки в колеса, то тут официальная власть показывала всё, на что способна: наглые писульки поднимались на смех, а заявления в правоохранительные органы, если и принимались, то в ответ прокуратура прекрасно умела строчить отписки, да и суд был далёк от справедливости. Все эти муниципальные органы годами работали в одном большом здании в центре города и со временем связались в один большой клубок взаимных интересов, родственных связей и дружеских уступок.

Со временем коллектив расширился, в него вошли старинные друзья Александра Петровича, ближайшие родственники и коллеги. Приятель по институту предложил интересную схему: организовать единый центр коммунальных платежей, куда бы люди платили за свет, воду, отопление, ремонт и так далее. Оттуда деньги переводились поставщикам услуг, а небольшая разница пошла в карман. Сказано – сде-

лано. И эта незначительная сумма, помноженная на количество жителей и поступавшая ежемесячно, позволила потом институтскому товарищу прикупить четырнадцать гектаров земли в одном из живописнейших мест – рядом с заповедником на берегу реки и сделать себе и своим друзьям ранчо с лошадьми. Там и у Провалова вскоре вырос охотничий домик.

Компания родственника бывшей жены выигрывала тендеры на доставку для администрации канцелярской продукции и бумаг. Фирма подруги сестры – на поставку воды во все муниципальные учреждения. Коммерческая организация друга племянника за год приватизировала шестнадцать крупных зданий, согласно постановлению Главы города, который получал со всех сделок свой лакомый кусочек – откат в пятнадцать процентов.

Потом однажды приехали проверяющие от губернатора. Три дня гуляли по баням, саунам и иным проституттошным, на четвертый день похмелились, пожали друг другу руки и уехали с портфелем денег. Благо, что этих чемоданчиков накопилось уже предостаточно.

Почувствовав безопасность, банда пошла вразнос.

Искусственно обанкротив ЖЭКи (а это оказалось не очень сложно), некие организации за копейки скупили их имущество, транспорт, оборудование и основали управляющие компании. На удивление, их соучредителями стали бывшие руководители этих самых ЖЭКов и, конечно же, люби-

мый племянник.

Были дела и помельче: создание резервного фонда Главы города и его растрата, переоборудование кинотеатра в ночной клуб, продажа муниципальной недвижимости за бесценок, создание сайта города в двадцать восемь раз дороже реальной цены. В общем, ничего серьёзного, так, на семечки. Но на эти деньги сестра купила себе шале во французских Альпах, а племянник – знатный участок земли прямо в заповеднике, где построил трёхэтажный особняк.

Глава, ощущая себя чуть ли не главой клана, начал ездить на работу к обеду, а иногда и вовсе пропускал пару деньков – это называлось «работать с бумагами». Чаще всего его можно было встретить в ресторане или в офисе нового ночного клуба (девчата там подбирались – самый смак!). Иногда он пропадал с ними по несколько недель, выезжая с дипломатической миссией на Кипр.

С подчиненными Петрович общался свысока, любил на оперативках обложить крепким шоферским матерком. Это отчасти компенсировалось тем, что Провалов почти не вникал в то, как выполняются поручения – управленческая рутина была ему не очень интересна. Был зам, которого назначили сверху и который всё решал. Впрочем, было бы неверным считать, что он относился плохо ко всем своим работникам. Например, глава был учтив и вежлив с теми, кто принимался на работу по протекции сверху, а ещё лучше он обходился с симпатичными женщинами: некоторые сотрудни-

цы попадали на должность через его постель, ну, а как иначе находить подходящие кадры? Нужно ж испытать, так сказать.

Провалову особо не приходилось задумываться над тем, чем нужно заниматься. Приказы спускались сверху, выполнялись сотрудниками администрации и контролировались замом. Главе города приходилось лишь раз в неделю выступать по местному телевидению, рассказывая о своих планах и размышляя о тяжелой экономической обстановке в стране, в принципе, большего от него не требовалось. Александр Петрович посмеивался и считал, что жизнь удалась.

Однажды, перед сном, голову Главы посетила мысль, от которой он зажмурился, как кот: он, Александр Петрович Провалов, теперь единоличный хозяин этого города! Ну, действительно, решения «быть или не быть» чему-либо он принимал самолично. «Быть» стоило приличных денег, очень и очень приличных денег. И все же эти прохвосты предприниматели как-то выкручивались и находили их. На аппетит Александр Петрович никогда не жаловался, потому быстро учился иметь копеечку практически со всего, на чем можно было заработать. Он знал, что правление его хоть и абсолютное, но временное, и оттого старался всюду поспеть хапнуть.

В прошлом году он, вернее его заместитель, провернул шикарную операцию: сверху включили административный ресурс, вложили в Провалова хорошие деньги и он с блеском

выиграл вторые муниципальные выборы. А чего тут не выиграть? Губернатор приехал несколько раз для показа, возможным конкурентам временно перекрыли бизнес, чтобы не прыгали выше головы, вызвали пиарщиков из Екатеринбурга и раскатали местное население, как тесто под скалкой. Впрочем, Провалову не понравились выборы, потому что там, под светом телекамер, нужно быть другим и выглядеть много лучше, чем он есть на самом деле.

А Александру Петровичу всегда претила шумная жизнь. Хорошая водочка, богато накрытый стол, своя веселая компания да симпатичная деваха с маслянистыми глазами – вот и всё, что тешило его широкоую в кости душу. Хотя, надо признаться, аппетит у него рос, как на дрожжах, как, впрочем, и жадность, а каждая заработанная сотня тысяч радовала его, как в детстве конфетка с орешками. Да что греха таить, три с половиной миллиона – сумма тоже не маленькая, если потратить её с чувством, с толком, и расстановкой, именно эти черты всегда были присущи Александру Петровичу. Помнится, в детстве, он даже новогодние лакомства не сразу съедал, а прятал в укромное местечко и растягивал на пару недель.

Чтобы побороть нетерпение Глава в который раз задумался о том, на что он потратит столь щедрую дотацию в его семейный бюджет: можно вложить их в покупку земли на Кипре. Александр Александрович уже много раз бывал в одном чудном месте – сначала с женой, потом с Леночкой из

бухгалтерии (ох, хороша была, чертовка маленькая!), потом два раза вот с Оленькой. Красивое место, тепло, недорого, самое то старость коротать. А можно сделать как его зам по финансам – тот купил несколько квартир в Москве и теперь сдает их в аренду. Умница Дима: и прибыль постоянная, и недвижимость в собственности. Правда, зам зарегистрировал квартиры на дочерей, а вот у Провалова в этом плане произошёл казус.

С женой он развёлся несколько лет назад, не вытерпела она его постоянные кутежи и баб-хохотушек, которых он по пьяной лавочке притаскивал даже домой. А сын, да что говорить, сын совершенно не оправдал его надежд: обучался в лучшей школе и лучшем лицее, Глава тратил бешеные бабки на репетиторов, но всё было бесполезно. В восемнадцать лет сынуля подсел на наркотики, из института его «перевели» в нарколечебницу, причём второй раз он лечился вообще в Германии. Впрочем, вот уже четыре месяца вроде бы держится, дома, конечно же, не ночует, говорит, что у девушки живет, но выглядит прилично: Провалов несколько раз руки проверял – следов нет, деньги, как раньше, с отца не требует. Может, толк какой и будет. И неплохо было бы с этих денег купить ему подарок, давно мечтал парень о мотоцикле – хорошем, японском. У него уже был такой, но он его разбил по пьяной лавочке.

А можно для Оленьки купить квартиру, а то уйму денег на гостиницу уходит, не напасёшься, а на работе – как-то непри-

лично уже. Оленька – бабенка неплохая, смешливая зараза, но до утех не шибко охоча, ей больше страны импортные подавай. Зато не глупа: знает английский и немецкий, языком она вообще владеет в совершенстве, чего греха таить, но... Леночке из бухгалтерии она и в подметки не годится. Та была маленькая, легонькая, как пушинка, а глазки зеленые, блудливые. В постели такое вытворяла – всю душу из него высасывала, на ноги потом встать не мог. Да как на грех приехал однажды замминистра из области на охоту – молодой ещё, лет тридцать-сорок всего, и как-то так вышло, что Леночка к нему переехала. Провалов хотел было её обратно вернуть, а как воротись – соперник в министерстве работает, отец его в правительстве области, мать в избиркоме – как ни крути, не было шансов никаких. Ну да ладно, не о том думы.

Можно машину новую купить, а что, он уже два года на одной и той же ездит, пора бы и честь знать! Нет, служебный авто бизнес-класса, конечно, всегда в личном распоряжении, и внедорожник тоже – на рыбалку там съездить или на охоту, но душа чего-то свежего требует, неугомонная. Впрочем, – оборвал он сам себя, – журналюги разорутся опять, надо меру-то знать. Его машинёшка-то вроде обычная, только тонированная, а внутри спрятана комплектация максимальная, плюс все возможные пакеты, вплоть до ручки вариатора из чистого серебра в тончайшей выделки коже.

А можно в доме паркет дубовый постелить и заказать художникам картину в полный рост, и на второй этаж не ме-

шало бы домашний кинотеатр побольше купить, ну, и ещё чего-нибудь по мелочи.

Мысли о деньгах, новой машине, Олечке, Кипре, Ильсиде, подарках, покупках мелькали в его уставшей голове, и без того мутной после вчерашних и позавчерашних возлияний. Кстати, об Ильсиде. Раньше он был известным в городе полубандитом-предпринимателем, но очень специфичным: он не занимался куплей, продажей, стройкой, производством, обслуживанием населения и прочими видами предпринимательства.

Ильсид прибирал к рукам.

В случае неповиновения – убивал.

Ильсид создавал свой мир и был в нём хозяином.

Провалов в то время работал в одной строительной шарашке и до сих пор помнил, что имя Ильсиды тогда упоминали почти со священным трепетом. Ни один из его конкурентов из мира криминала не выжил, хотя все были ребята серьезные, бывшие спортсмены. Никто не хотел перебегать ему дорогу, поскольку его холодная осторожность и расчётливая смелость сметали всех на своём пути. Уже тогда говорили меж собой – мол, если кто перейдет ему дорогу, тот обязательно пропадёт с концами.

Ходили слухи, будто в детские годы Ильсид увлекался спортивным ориентированием и хорошо знал всю местность в округе: леса, поля и, особенно, болота. Есть тут гиблые места – трясина такая, что ногу засосет, нипочем одному не

выбраться. Там-то и исчезали наиболее рьяные конкуренты, остальные от греха подальше уехали в другие города. Со временем стал Ильсид единоличным хозяином в городе.

Тогда произошел показательный случай – одного из сотрудников администрации поймали на хищении, причем на достаточно большую сумму. Конечно, было ясно, что, если и предъявят ему обвинение, то дадут условку. Говорят, что Ильсид приказал показательно наказать виновного для острастки. Уже на второй день пребывания чиновника в СИЗО, тот внезапно осознал несправедность своей жизни и покончил с ней, ударив себя грязной заточенной ложкой в пень, от чего получил воспаление крови и скоропостижно умер. А жена этого чиновника почему-то тоже вдруг отказалась от всего имущества в пользу муниципалитета. Никому ничего объяснять было не нужно, и воровать перестали.

Но вскорости Ильсида самого посадили, вроде бы из-за конфликтов с вором в законе, державшим всю область. Подкинули наркотики, приплели того чиновника с ложкой в спине и упекли, имущество конфисковали, продали за копейки и думать о нём забыли. И вот пару лет назад он вышел, сначала исчез из поля зрения, но не так давно Александру Петровичу сообщили, что Ильсид не только объявился, но ещё и хочет заняться бизнесом и будто бы просит Провалова ему в этом помогать. В накладе, мол, никто от такого сотрудничества не останется.

Провалов ещё подумал тогда – дескать, дошло, наконец-то

и до этого упряма, что нельзя в России не брать на лапу. Все-таки тюрьма может образумить человека, в чувство привести, сейчас, небось, покладистей стал. Там такие учителя живут, на зоне-то, что даже хорошего человека смогут сделать уголовником. А вор с вором, как берег и паром – всегда найдут друг друга. Нынешний Ильсид должен был выйти стоворчивым, да и власть нынче не та: теперь он – Глава города, а все остальные подчиняются и платят, если хотят зарабатывать. Руководители силовых ведомств с ним в одной упряжке, поэтому бояться, вроде, некого.

И все же Провалов осторожничал, потому сотрудничать начал с малого. Сначала Ильсид победил на аукционе за три маленьких объекта муниципальной недвижимости, потом ему перешёл обанкротившийся молокозавод, который хотели распродать под офисы, затем были по частям переданы в аренду несколько крупных объектов на территории бывшей мебельной фабрики. Это так, мелочи.

Но на этот раз речь шла о серьёзном деле – о шестидесяти гектарах земли в границах города. Чтобы не привлекать лишнего внимания, эти земли были поделены на шестнадцать лотов, каждый из которых в разное время должен был быть выигран аффилированными структурами Ильсида. Других бы попросту не допустили, придравшись к ошибкам в оформлении конкурсной документации.

Именно сегодня за несколько лотов сразу Александр Петрович и должен был получить свой законный откат, свою ла-

кому-то четвертину – три с половиной миллиона рублей. Потому-то Провалов и томился весь день в предвкушении сладкого мгновения, когда к нему придет человек и привезет заветный конверт. У Ильсида не было репутации кидалы, да и в прошлые разы все происходило без заминок, но теперь разговор шел о значительной сумме, и Глава окончательно успокоился бы только тогда, когда денежка легла в его бронированный сейф.

Вдруг Провалов вздрогнул от телефонного звонка и схватил трубку.

– Алло, – сказал он нетвердым голосом, но потом взял себя в руки и уже продолжил уверенно. – Провалов слушает!

– Александр Петрович, с вами говорит Аттал.

Этим странным именем звали уж очень молодого и не по годам молчаливого человека, который в прошлый раз привозил бабки* (деньги) от Ильсида.

– Слушаю тебя, Аттал.

– Александр Петрович, до нас дошла информация, что нашим с вами сотрудничеством заинтересовались некие лица. Поэтому продолжать работать по той же схеме теперь не совсем безопасно. Я предлагаю вам на этот раз самому приехать к нам, тем более, что моё руководство хочет поближе с вами познакомиться – так сказать, чтобы наши деловые отношения переросли в более тесные, личные.

– Не понял! Кто заинтересовался? И что, Рин... – начал было Провалов.

– Не нужно лишних слов по телефону, Александр Петрович, – оборвал его на полуслове собеседник. – Все вопросы давайте обговорим при личной встрече. Через пять минут за вами приедет автомобиль и довезёт вас до места назначения. Вы не против?

– Я даже не знаю, мы так не договаривались, – неуверенно промямлил испугавшийся Глава.

– Так что мне передать своему руководству, что вы отказываетесь? – спросил Аттал.

Несколько секунд жадность боролась со страхом. Как и следовало ожидать, страх проиграл.

– Хорошо. Жду! – выпалил Провалов и плюхнулся в кресло. Ехать туда казалось ему небезопасным. Но, опять же, три с половиной миллиона. Да и к тому же, они делали дела вместе, значит, повязаны одной верёвочкой. А ещё это означает, что взгляды Ильсида изменились, а это даёт надежду, что тот просто хочет напоить его дорогущим коньком и подогнать деваху под бочок. Да ещё три с половиной миллиона. Но с другой стороны, а безопасно ли это?

Пока Александр Петрович изводил себя внутренней борьбой, к заднему входу подъехал чёрный тонированный внедорожник, и мысли главы прервал телефонный звонок: «Выходите, машина на месте». Провалов сразу же вспотел, как бывало с ним в минуты эмоционального подъёма, и начал торопливо собираться.

– Куда едем? – сразу же спросил Провалов у Аттала.

– За город, в «Плутон».

Глава знал этот небольшой ресторанчик, раньше он принадлежал грузинской группировке и назывался «Друза», но с выходом из тюрьмы Ильсида, ситуация, по всей видимости, изменилась не в пользу ребят из Кутаиси. Путь до ресторана прошёл в молчании. На все вопросы Аттал отвечал односложно – мол, там всё расскажут и объяснят.

По дороге Провалов от скуки задумался о себе и своей жизни, подперев рукой щеку. Когда-то он, простой сельский парень, и думать не гадал, что станет главой города. До тридцати лет работал шофёром, возил землю да навоз. Летом получалось неплохо подхалтурить, поэтому денег всегда было достаточно. По крайней мере, хватало, чтобы платить за общагу, весело гулять и менять девчат. Потом произошёл трагический случай – одна из его подружек забеременела и ни в какую не захотела делать аборт. Пришлось жениться, но семья с тех пор всегда была у Провалова по значимости гораздо ниже рыбалки и футбола. Ему нравилась простота существования в общежитиях, ни к чему не обязывающие отношения после пооек, поэтому необходимость копить деньги на квартиру и жить всё время с одной и той же женщиной, которая быстро обрюзгла, на некоторое время вогнала его в глубокую депрессию – Провалов начал пить, и эта привычка

сохранилась у него до сей поры.

Но всё же семья повлияла на него: он немного остепенился, и его даже пригласили на более престижную работу, где поручили возить начальника. Тот был мужик умный и пробивной, постоянно получал повышения, и Провалов рос вместе с ним. Однажды случилось так, что шефа забрали в Москву, а его водитель остался тут. Всплеснув руками о горькой судьбинушке, он попил недельку, с горя устроился в одну из строительных шарашек и так бы проработал там всю жизнь за баранкой, пока однажды не раздался телефонный звонок, изменивший его жизнь.

Ему предложили (он боялся даже в это поверить, но это, черт побери, было так!) стать мэром города. С одной стороны, это было похоже на ахинею – чтобы водила со стажем вдруг получил приглашение на такую должность, но на самом деле всё объяснилось просто: приближались выборы, а его бывшему начальнику срочно понадобился тут верный человек, который бы не задумываясь, выполнял все поручения. Город стоял возле трассы, ведущей к узлу недавно построенного Пути, многие транспортные компании основали здесь свои филиалы, то есть входили в сферу интересов бывшего руководителя.

Провалов несколько дней пил и думал в компаниях, думал и пил в одиночку. Бояться, вроде, некого – все свои. Обмозговав все плюсы и минусы, он так и не стал отказываться, тем более, что направлять его деятельность должен был местный

олигарх – тоже один из людей бывшего патрона. Сам «кошелёк» не мог избираться, и репутация рейдера тут не при чём, просто судимости очень сильно уменьшали шансы на избрание или требовали очень серьёзных финансовых вливаний. В выборы Провалова было вложено всего несколько десятков миллионов рублей, наняты нужные люди, поэтому первая в его жизни избирательная кампания прошла успешно, как и планировалось. Образ «своего парня», располагающая улыбка на широкой рыхе и проскальзывающие матюги сделали своё дело – кандидат из народа победил со значительным перевесом. И вот уже несколько лет бывший шофёр рулит целым городом, его бюджетом и людьми. Воистину – кто был никем, тот станет всем.

«А может, потом попроситься ещё выше?», – вдруг щёлкнуло в проваловском думательном аппарате. – «А чего? Я успешно тут справляюсь – всё моё, кручу, как хочу. Задания выполняю, нареканий почти нет. Сдал, принял, как по накладной. Начальство довольно. Конечно, есть кое-какие загвоздки, но у кого их в наше время нет? Может быть, попроситься поближе к центру? А может в Крем...».

Резкая остановка прервала благостные размышления Александра Петровича. Прищурившись, он посмотрел в лес, исчезавший в тонировке сумерек. Сосновый бор шумел, загородный клуб тускло светил окнами-глазницами, пахло мясом и хвоей. Путь до парадного входа был ярко освещён, негромко играла музыка... но Провалова почему-то повели

в обход, по тропинке к чёрному входу. Было довольно темно, по дороге он постоянно спотыкался и чертыхался.

– Почему бы нормально не зайти, не видно ж ни хрена? – плюнув в лес, спросил Провалов. – Я вам тут что?

– Конспирация, – даже не глянул на него Аттал.

– Конспираторы херовы, – буркнул Глава.

Добравшись, наконец, до чёрного входа, они спустились по витой лестнице в цоколь.

– Подождите здесь, – молодой человек остановил Провалова и поднялся наверх.

– Черт знает что такое, ёптыть! – выругался Александр Петрович и огляделся – Какого хера?!

Он находился в подсобном помещении, у стен стояли грабли, метлы, носилки, навалена куча мешков, посреди этого хлама приткнулся стол и два стула. Было холодно и сыро. Не успело раздражение главы города достигнуть предела, как послышались шаги и через несколько секунд в подвал спустился сам Ильсид, Аттал шёл за ним следом. До этого Ильсида он видел только раз, давным-давно, когда тот приехал к ним на стройку. Он вспомнил свой тогдашний страх, поэтому, при виде бывшего хозяина города, глава поспешно засунул своё раздражение поглубже и засветился самой радужной улыбкой: «Ильсид, дорогой! Как я рад тебя видеть!», и потянул обе руки для крепкого и торжественного рукопожатия.

– Садись! – резко ответил Ильсид и не подал руку.

– Не понял?! – начал было Провалов, – как это, собственно...

Но тут произошла необъяснимая вещь – Ильсид тяжело задышал, раздул ноздри, подошёл к Провалову, ухватил его левой рукой за лацкан пиджака и со всей мочи въехал главе города кулаком в глаз, потом повторил, потом ещё раз в ухо и уже затем отпустил порвавшийся пиджак сжавшегося от боли Главы. Провалов ойкнул и упал ничком на широкую задницу. Схватившись за глаз и ухо, он вытаращился на Ильсида и открыл рот. Хотел было что-то сказать, но со страху выдавил лишь что-то похожее на «ы-ы-ы-ы».

– Садись, я тебе говорю! Вот же стул, зачем на земле сидишь? – усмехнулся Ильсид. – Чего мычишь, давно не били?

Главу города Александра Александровича Провалова действительно много лет никто не трогал, изредка правда нагибали из центра, но он к этому привык, как к производственной необходимости. Но вот так – кулаком, за ухо, в глаз! И за что? Кстати...

– За что? – подал голос Провалов, кряхтя и поднимаясь.

– Отряхни говнобак и падай на стул, – повернулся к нему спиной Ильсид. – Не торопись, сейчас все перетрём постепенно.

– Просто я не понимаю... – хотел было возмутиться Глава, но, споткнувшись о жёсткий взгляд, быстро сел на предложенный стул.

Ильсид испытующе разглядывал Провалова и усмехался.

Потом сказал:

– Скажи мне, кто ты? – тут у Провалова мелькнула мысль, что, возможно, Ильдид обознался, принял его за какого-нибудь другого человека, вот почему и ударил, и такое отношение. Поэтому он сразу выпалил:

– Кто я? Я здешний мэр!

– Ты здешний хер! Кто ты?

– Я Провалов!

– Говновалов ты, а не Провалов! Я тебя ещё раз спрашиваю, кто ты?

– Я, я не знаю! Что, что вы хотите от меня услышать? – замялся Александр Петрович.

– Ты мудак, что ли, дикошарый? Я хочу услышать, кто ты есть такой?

– Но я... я же вам все сказал! Я руководитель этого города! Что вы от меня ещё хотите? – начал ныть Глава.

– Ты сам слышишь, какую бодягу несёшь? Глава, руководитель. Крыса ты серогорбая, вот ты кто. А я тебе скажу, кто ты. Хочешь?

Провалов испуганно кивнул головой, не зная, чего ожидать.

– Ты, сука, слуга народов. Народ избрал тебя, вот ты и служишь ему, так?

– Меня избрали. Пятьдесят семь процентов голосов, что я достоин...

– Не базарь, клоун, не на заседании. Напомни мне, чей ты

слуга?

– Народов, – путаясь в склонении, пробормотал Провалов.

– Точно – ты народов слуга. То есть холоп ты, а не хозяин. А оттого ты холоп, что ты и думаешь, как холоп и по-другому просто не умеешь! Вот скажи мне, Провалыч, за какие такие заслуги тебя назначили рулить городом?

Провалов буркнул что-то невнятное.

– Правильно, – зло посмотрел на него Ильсид. – Ты того не знаешь. Подумай башкой, неужели за то, что ты умел баранку крутить и движок перебирать? Нет? Тогда за что? Сказать тебе? Сказать? Да потому что ты – исполнительный холоп. Делаешь, как прикажут, инициативы не проявляешь. Прислуживаешь, как верный пёс, но одного не шаришь.

Ильсид наклонился поближе к Главе и задал ему простой вопрос.

– Скажи мне, холоп, на какие барыши город будет крепнуть в ближайшие двадцать лет? Что шары выпучил? Ты вообще когда-нибудь об этом мозгой думал, псина? Что? Иногда? Не ссы людям в уши, ты думал только о том, как ещё больше бабла срубить, пока срок не кончился. А знаешь, почто ты не думал о завтрашнем дне? Нет? Так я тебе поясню ещё раз, как шибко одарённому – потому что ты холоп! А холоп не думает о завтрашнем дне, знаешь почему?

Провалов боялся что-либо отвечать. Ильсид помолчал и ясно продолжил.

– Потому что. За него. Об этом. Думает. Хозяин. А холоп не прикидывает к носу, что будет завтра или через год, потому тебе и не важно, что будет после конца твоего срока. Холоп не планирует на завтра, и ты живёшь от выборов до выборов. Холопу лишь бы украсть незаметно, а потом загаситься – так и ты воруеть там, где плохо лежит. Холоп глупый, ему лишь бы пожрать послаще, да покемарить у титьки – так и ты жрёшь, бухаешь, баб щупаешь, и нет тебе дела до всего остального. Холопу главное, чтобы его не били – так и ты вину сваливаешь на тех, кто ниже. А если сверху с проверкой придет другой такой же холоп, то с ним можно и поделиться, так ведь? Холоп не умеет робить нормально, да и не хочет. Кем бы ты ни был, большим начальником или саявкой последней – ты будешь мыслить, как холоп и делать также. Понимаешь, о чём я? Ты ведь не можешь нормально руководить, потому как ты привык, чтобы тобой управляли и говорили, куда идти и что делать.

Ильсид немного помолчал, указал пальцем на Провалова и удивлённо поднял брови, а голос его зазвенел.

– И тут возникает непонятка – если ты слуга, то с какого перепугу ведёшь себя, как хозяин? Нет, такого не бывает, у нас принято по ноздрям судить. Если, например, женщина ведёт себя как шоболда, то никто не скажет, что она порядочная. Если кто ворует у своих, то крыса он запомоеная и живёт у парашаи. Тут всё просто. Даже если просто украл и спалился, то прямиком по эстафете в Магаданскую область.

А у вас шибко интересно получается! Вы все слуги народа, но народ живёт в хлеву и кормится отбросами, а холопы в это время на Кубу летают, на Бали загорают, капустой башляют. Ладно бы умные были или смелые, но ведь тупень на тупне, лишнее слово боитесь при начальстве вякнуть, ничего другого, как бумажки перебирать не умеете, лупите, как тараканы в барабаны. Ни инициатив, ни прогресса – одна привычка: бабло сосать у народа. Ты мне попробуй объяснить, что за система у вас гнилая? Тот, кто ведёт себя, как холоп, тот должен знать место своё и жить, как холоп. Коли ты сосёшь у народа, так и веди себя, как народный сосун. Но, а уж ежели рискнул хозяином стать, то и спрос с тебя ровно такой. А скажи-ка мне, клоун, как должен вести себя хозяин? Чего притух-то, давай думай, бивень ты носорожий!

Провалов несколько раз открыл рот, попытался что-то сочинить, но Ильсид махнул на его испуганное блеяние рукой и как школьнику внятно проговорил:

– Он думает о том, как будет развиваться его хозяйство, как будут люди жить, за счёт чего кормиться. Хозяин защищает всё то, что ему принадлежит и никому не даст это отнять или пограбить. Не дай бог, кто позарится на его доходы или на землю. У слуги можно забрать, у хозяина без боя на смерть – не получится. А ты даже кобылку свою отдал, холопская твоя душонка, чмошник. И запомни ещё – хозяин не ворует, хозяин забирает сколько ему надо, и каждый видит, сколько он забрал, потому что хозяин не прячется, потому

что он – хозяин, а ты – шакал, тащишь у своих же людей, с кем ты живёшь бок о бок, даже у сестры, мразь. И делаешь это так, чтобы никто не знал. Кто ты после этого?

Провалов шмыгал носом и таращил слезящиеся глаза.

– Ты хуже, чем холоп, ты – крыса позорная, тебя под шконарём жить, а не в коттедже с паркетом. На стариков хер положил, на детей, на молодёжь, на всех! Нашёл способы, как деньги бюджетные между своими запилить. Да и не ты это придумал, тебя просто поставили и сказали, где можно кормиться. Подписываешь документы и гребёшь за это филки. А подумал ли ты, что в детских садах штукатурка отпадывает, и зимой отопление отключают, что бабки старые годами откладывают с пенсии на похороны, чтобы их в гробу, а не в ящике схоронили, что люди живут, как свиньи?

Ильсид прервал эту продолжительную тираду, немного помолчал и продолжил с дрожью в голосе:

– Ты бывал в Измоденовском рабпосёлке? Он же входит в твоё ведение, ты должен был там бывать, но тебя, гнида, по-моему, ни разу там не наблюдалось! Сука ты пробитая! Так вот я сам тебе расскажу занятную историю, как там тётка моя родная живёт. Слушай. У них там изобрели новый способ ремонта крыш. Знаешь какой? Их, сука ты позорная, летом битумом заливают. Осенью залили, зимой весь битум от мороза лопнул, весной вода через трещины к ним домой полилась. В хате потоп, тетя с зонтом в туалет ходит. Так ты мне скажи, гниль, почему я должен терпеть, что тетка моя

живет, как в хлеву, а ты в это время месяц на Кипре ром бухаешь?

Провалов действительно зачастил в последнее время на Кипр, к теплому солнышку и сочным большегрудым аборигенкам, поэтому не знал, что ответить и беспомощно развел руками.

– А знаешь, сука, куда в том доме канализация стекает? Нет? А я тебе скажу – в подвал! Да, да, прямо в подвал! Я видел собственными глазами, как в подвале говно плавает. Правда я зимой у неё был, в холод, но и то запах такой приторный. Представь теперича, какая у них летом вонь ужасная, особенно у тех, кто на первом этаже живёт. Мухи роятся тучами. Раньше насос прямо во двор все это перекачивал из подвала. Дети в песке играют, а рядом речка говна течет. А потом и насос сломался, так прямо из подвала в подъезд и на улицу несколько дней дерьмо вытекало. Пришлось МЧС вызывать. Что, вижу, вспомнил этот случай? И что ты сделал для решения этого гемороя? У тети из подвала до сих пор так парит, что все стены и потолок в плесени, даже перила гниют, а с потолка вода бежит, сука ты тупорылая! Там же дети живут, мразота!

Тут Ильсид с притворным удивлением развёл руками.

– И самое страшное то, что никому до этого нет дела: ни тебе, ни другим чинушкам, ни тёте моей, в принципе. Она уже привыкла к говну и каждый месяц исправно платит за капитальный ремонт и содержание дома. Пенсия у неё десять

тысяч, из которых четыре она отдаёт за то, чтобы жить в доме с говном в подвале и мокрым потолком. Ты, клоун, должен вести хозяйство, а не из людей животных делать. Да знаю я, – отмахнулся он, – что не специально, просто ты холоп и другому не можешь и не умеешь. Потому что ты сам такое же говно, как и то – в подвале. И оно без дела болтается, и ты также.

Ильсид снова остановился, глядя на реакцию Провалова. Тот хлопал глазами и хлюпал носом.

– Да не менжуйся, просто ответь мне на один вопрос, – продолжил Ильсид, не сбавляя обороты, – ты, вообще, не debil случайно? Почему я так думаю? А ты ответь мне на вопрос – на кой хрен тебе понадобилось посреди города ставить себе дом? На кой хрен тебе вообще понадобилось выкупать территорию детского садика, и на ней, сука, ставить трёхэтажный коттедж с кованым забором и гаражом на несколько машин? Ладно бы в городе всё было благополучно, но ведь через дорогу от тебя стоит пятиэтажка, в которую забыли провести электричество. И из твоих окон, придурок ты лагерный, каждый день виден дом, в котором вместо света вечером второй год зажигают керосиновые лампы! Ты мне скажи, ты почему такой мудака? Тебе вообще, что ли, насрать, что в городе всего три достопримечательности: разрушенная церковь, пятиэтажка без электричества и твой трёхэтажный коттедж? Ты кому хочешь доказать, что у тебя денег больше всех? Старикам с пенсией в десять тысяч или безработным

ребятам молодым? А? Перед кем понтуешься, тварь?!

И тут Ильсид не сдержался и, не вставая, резко ударил Провалова в ухо, а потом в нос. Кровь хлынула в ту же секунду, запачкав дорогуший пиджак и рубашку. Глава зажался, всхлипнул и заплакал, вытирая манжетами кровь с лица. Подождав пару минут, Ильсид продолжил, успокаиваясь:

– Лепень походу дорогой, ничего, бабло есть – новый купишь. Теперича скажи мне, ты же прекрасно знал, что ни на что не годен. Ты не болта не рубишь ни в коммунальном хозяйстве, ни в строительстве, ни в политике. На кой хрен ты полез во власть?

– Я не лез, – пробубнил сквозь кровь и слезы Провалов. – Меня народ выбрал!

– Какой народ? Какие выборы? Ты чего мне лепишь, лохадей?! Ты вот только меня за фраера не считай, я не электорат, я Хозяин. Ты же голоса покупал за двести рублей и стакан водки. Я даже знаю, сколько ушло пиарщикам из Еката, сколько агитосам, сколько отвалили в избирком, и сколько у кого осталось в кармане. А ты за это потом отдал земли на юго-западе и три карьера. А карьеры те раньше были моими, и работали на них мои люди. Но людей моих уволили, а карьеры продали. И, сука, стоит то, что ты отдал за пять предвыборных лимонов, как минимум, в десять раз больше! Холопья твоя башка! Да кому я об этом говорю? Ты же в этом не сечёшь совершенно! У тебя мозги только и думают о том, как бы с откатов побольше получить, с кем бы выпить

да секретутку свою отжарить.

Ильсид заходил по комнате.

– И ещё, для информации, вся недвижимость, которую я выиграл и ещё выиграю – была раньше моей. Поэтому я своё возвращаю, а мне за это ещё и платить приходится. Ты понимаешь теперича, почему я зол и на тебя, и на твоих чинушек. Так вот, всё бабло* (все деньги), что я отдал за свою же землю и свои предприятия, ты мне вернёшь! Не надо глаза округлять, я тебе подскажу, как это сделать с минимальными для тебя жертвами.

– Но, Ильсид, помилуйте. Я те деньги истратил давно, нужно было платить...

– Я так и думал, что из-за денег ты смелость почувешь. Не надо передо мной тут гривой трясти, выбор у тебя невелик. На том свете тебе все равно ничего не пригодится. Ну да ладно, об этом после.

А пока условие следующее: времена изменились, и я тоже меняю тактику – ты будешь работать на меня, город поднимать, рабочие места создавать, как говорится, искупать ошибки – скажи спасибо, что не кровью. Воровать я вам не дам, ты меня знаешь – кого поймаю, живьём похороню. Зарплату, небось, вовремя получаете? Ну, а кто бы сомневался! Вот и получайте её, на чужое глаз не косите. Вы – слуги. И служить должны, и выполнять свою работу так, чтобы человек один раз пришёл, сообщил о проблеме, а вы вывернулись наизнанку, но сделали. А как иначе, вы же слуги, мы вам за

это деньги платим, вообще-то. Ты согласен?

– Но они работают все же, пытаются...

– А не надо пытаться – нужно делать! Если они все время пытаются, и ничего не меняется, значит на хер их оттуда, пусть дворниками идут. Работа попроще, и на чистом воздухе. Если ты тупой, то приведу тебе пример. Науку преподам.

Каждая работа оценивается результатами. Ты, как шофер, должен был сделать за день несколько рейсов – это твой результат. Его можно посчитать и сравнить с другими. А вы думаете, что в вашей гнилой системе это не работает, ваш труд не оценить, поэтому можно на всё забить? Я тебе так скажу – вы конкретно ошибаетесь! Хозяин всё видит. Если он понимает, что людям живётся плохо, а управляющий развлекается в свое удовольствие, то знаешь, что он делает? Он вызывает его на ковёр и бьет морду, ровно, как я тебе сейчас. Если тот не справляется ещё раз, то мигом становится пастухом, а то и свинаркой.

Вот не дай бог, ты порядок не наведешь у себя в конторе, я отвечаю, что спесь с вас буду сбивать плетью! И начну с тебя, поверь. Запомни, Провалыч, вы слуги народа! Поэтому будете служить, как полагается. А если слуги возомнят себя хозяевами и пальцы гнуть начнут, то я эти пальцы пообломаю. Я не утрирую, заметь, я реально буду ломать пальцы, руки и головы. Или они научатся людьми быть, или уйдут на другую работу, или калеками останутся – других вариантов я им не предоставляю.

Ильсид встал и прошелся несколько раз взад вперед. Остановился возле Провалова:

– Я ещё напоследок с тобой вот по какому поводу хотел поговорить – твой нарк малолетний мозгами в папку видно уродился. Ты, наверное, ещё не догадываешься, что все твои лечебницы прахом пошли. Что ты глаза округлил? Надеялся, что утряслось? Ну, спешу тебя обрадовать – ты мудака, если не понимаешь, что такое синтетика. Знаешь, что это значит? Значит, что уже не обойдется – издохнет твой сынуля через пару лет от передоза или от гепатита, или в дурке, или просто, как пёс в канаве.

– Я проверял! У него руки чистые, не может быть! Он же деньги у меня не просит теперь! – застонал Провалов.

– Бивень ты – он это курит и нюхает. И бабло не просит, потому что барыжит* (торгует наркотиками). Мешает синтетику с сахарной пудрой и малолеткам в школе продает, а у кореша моего дочка в одиннадцатом классе учится. Вот он её заприметил и давай склонять... Ну, ничего, попался, теперича не отъедет.

– Где он, что с ним? В полиции?

– Ты думаешь, мы бакланы конченные, чтобы сына главы города ментам сдавать? Мы с ним по-другому поступили. Да не ссы, не шлепнули его. Пока. Кисти рук правда сломали, так что он ещё долго не сможет говном своим травиться. Сейчас пока в гараже сидит, кумарит его. Если выживет, то через месяц-другой выпустим. Будет ещё барыжить – зага-

сим так, что не сможет больше ложку держать никогда. А в третий раз, извини, исчезнет он с лица земли, как чуждый людям элемент. Да ты не трясись, если он не индюк, то придет в себя. А нет – так нет. И Германии твои не помогут, я тебе говорю, можешь поверить.

Ильсид прервал свой монолог и внимательно посмотрел на Провалова. Тот сидел весь какой-то помятый и жалкий, в залитом кровью костюме, с распухшим носом и подбитым глазом, но Ильсид не испытывал ни капли сочувствия.

– Короче, на этом наше рандеву подходит к концу. Предъявы к тебе следующие: за то, что город опустил, мы тебя опустить должны, что это такое – ты в курсе, объяснять не надо. У меня есть пару сидельцев, которым не запахло будет тебя на болт натянуть, в прямом смысле этого слова. За то, что крысятничаешь, мы отожмем у тебя всё имущество – хату, тачки и квартиры перепишешь, на кого я скажу. За то, что сын твой барыжит в школах – тоже тебе ответ держать. А за то, что карьеры отдал – ты мне лично должен.

Выбора у тебя нет, расплачиваться за всё придется. Мы тебя не чуханём только в одном случае, если научишься руководить. Газ, тепло чтобы были, чтоб в моем городе люди не мерзли. Будешь рассчитывать за косяки, сделаешь следующее: назначишь своим замом моего человека – он видный экономист. Предыдущего – на хер уволишь. Сам будешь работать! Займешься людьми, будешь следить за дисциплиной, всех тупых – к чертовой матери, ищи толковых. Но это

не сразу, в течение полугода, без революций. Все понятно?

Научись делать красиво! Если нет понятия красоты, то книжки почитай, с людьми умными поговори. Сделай так, чтобы людям жилось хорошо, они после смерти улицу в твою честь назовут – глядишь, и потомки будут помнить, а иначе – гнить тебе в сыром болоте, Провалыч, как пить дать – гнить!

– Может, мне лучше уйти с должности, Ильсид? – поперхнувшись, спросил Провалов.

– Вот не надо только мне сейчас порожняк гнать! – завёлся Ильсид. – Какая разница? Я все равно на следующих выборах своего человека посажу. А тебе ещё нормально осталось, отработаешь долги. Да ты не ссы, свезло тебе на старости – учиться будешь, на пару лет маразм отсрочишь. Хоть и ржавый ты человек, но есть маза хозяйские повадки перенять, нигде этому не научат. За пару лет сделаю тебя нормальным руководителем, если с головой дружить будешь, может, и на новый срок останешься. Но дело-то не в этом, главное люди будут тебя добрым словом помнить, а не как сейчас. Всё понял? Всё понял, спрашиваю?

– Да, да, да, я все понял, Ильсид! – часто закивал головой Провалов. Он уже было подумал, что не выбратся ему отсюда живым, поэтому был готов обещать все, что угодно.

– Но смотри, если мне цинканут, что ты по-новой тупого включаешь, то спрошу с тебя вдвойне, вкури это. А рамситься со мной тебе не по масти, даже не думай. Выкуплю, что стукануть решил – зажмуришься! Это тоже уясни.

– Уже! Уже уяснил, Ильсид! – опять закивал головой Провалов.

– Тогда свободен пока. Руку тебе не подаю, грязный ты, чушкарь. Вот очистишь своё имя, тогда, может быть, мы с тобой пообщаемся в более нарядной обстановке. Всё. Крути педали, пока не дали.

Аттал провел Провалова наверх, снова посадил на заднее сиденье автомобиля и повез обратно. Его лихорадило, мысли прыгали в черепной коробке, подобно пьяной обезьяне:

«И что теперь делать, как быть, ёптыть? Основное – что живой остался, слава тебе... но как он со мной? Живой зато, а ведь он мог бы и шлепнуть наверное? Да конечно, чего я спрашиваю, сам знаю. Надо всё отдать обратно! Бог дал, бог взял. А что я своим скажу? Что меня в подвале побили? Меня! Главу города! Я же хозяин? Или он хозяин? А как я своим скажу, что я теперь не хозяин? Как это – обратно все отдавать? И дом? И второй дом? И квартиры все? И работать? Да что же это получается, господи ты боже мой! Но главное жив!

А как он меня в глаз. И нос разбил. Как завтра на работу? Нет, на больничный пойду, нельзя же с такой рожей. И сестре тоже все отдавать? Говорил ей, чтобы не на себя записывала, так нет же. А она ведь не отдаст, это как пить дать! Так не только она, никто же не отдаст! Племяш-то удавится, но не вернет... А Ильсид их заставит, как миленьких, пусть только попробуют! Узнают тогда, каково это. Они деньги гребут, а

я за все отдуваюсь. Фу-у-у! Живой! А ведь мог бы, скотина лагерная! И закопали бы в лесу, а потом ищи свищи. Зэки эти на нашу голову, не дна им, не покрывки.

И главное, что я ему сделал такого? Ну, продал какие-то там карьеры, ну и что? Велика потеря – новых накопаем! Сам ничего не понимает и ещё учить меня вздумал. Я тут столько лет как руковожу и без него прекрасно. Может не отдавать? Или придётся? Глаз больно, а что делать?

Всё ведь знает, куда и сколько денег и кому. Кто-то среди своих стучит! Кто? Или телефоны прослушивают и жучки, наверное, в каждом углу. Как их найти, жучки эти? Да и какая разница, все равно теперь. Уходить надо, или он не отпустит уже? А как он меня опустить хотел, прямо так, что ли? Как в тюрьме? Господи ты боже мой, я этого не вынесу. Нужно всё отдать, всё отдать!

Всё!

Всё?

Всё, что столько лет зарабатывал кровью и потом? Ему взять и отдать? У меня столько мебели, вещей, куда их увезти? Или с ними отдавать? А-а-а, не хочу, не могу я! Пусть убивают, не отдам! Мне бы ещё пару лет отсидеться, да перевести все потом в офшор. А там пусть ищет, ни за что не найдет. Уеду на Кипр, на охраняемую территорию – пусть попробует найти. Или прямо сейчас все перевести на счета? А если узнает? И дома быстро не продать, а бросать жалко. Столько денег, столько работы. Узнает, что распродаю –

убьёт ведь. Или опустит сначала?

Что делать, что делать? Ольку на кого оставить, смотреть-ся и с собой её взять? Или? Да ну её на хрен, другую найду. Лишний груз только, а пользы никакой. Надо быстро, быстро решать. Если уезжать сразу, то придется всё оставить: и сестру, и племянку бросить тут, пусть сами разбираются, да и не знает он, может быть, о них. Хотя, вряд ли. Ну, это их проблемы. Сколько добра пропадёт! Может, всё сжечь и уехать? Нет, он меня сам потом сожжет. И опустит ещё. Опустит и сожжёт.

И тянуть нельзя, он не будет ждать, сразу же начнет командовать. Учить он меня вздумал, скотина! Кто я ему? Хлоп я значит? Ага, как же! Я хозяин города, я Глава! Я сам все знаю, что нужно делать! Все прекрасно знаю и без него! О, боже мой! Что делать, что делать?

А может? Да нет! Хотя, а вдруг! А что это собственно я? Он бывший уголовник. Я глава города. Я хозяин, не он. Я Поликарпычу позвоню, пусть его накроют, или что они там ещё делают! Схватят его да посадят. За покушение! Он же покусился на меня. Скажу, что хотел преступным путем завладеть имуществом города. Точно! А я не дал, обратился в полицию. А Поликарпыч его посадит и, может, убьют там его. Да пусть сразу посадят и сразу убьют! Сколько за это отдать? Да что я мелочусь? Отдам Поликарпычу три миллиона и весь хрен до копейки! Нет, три много. Миллиона два с половиной, а, нет, два миллиона отдам! Пусть зажрётся ими.

А Ильсида этого убьют! Это же надо до такого додуматься: Главу города похитить и пытаться. Да я ему! Я в городе хозяин, я ему покажу ещё! Он у меня попоет! Скажу Поликарпычу, чтобы его тоже опустили. Полтора миллиона за это не пожалею. Нет, миллион двести. Да что там, и миллиона хватит, и даже много за это будет. Поторгуемся.

Так решено: приезжаю, звоню Поликарпычу, пусть ко мне приедет и решим дальше, что делать. И чего я боялся? Я-то ведь чист, а он разбойник, бандит! Я власть, а он? Слуга народов, видите ли! Пусть сначала научится говорить правильно, а потом уже! Он у меня попляшет ещё! Я ему покажу, где раки зимуют. А пока уеду в отпуск, прямо завтра. Пусть все утрясется, как только Поликарпыч все обустроит, приеду обратно, да и дело с концом.

И жив остался, а это хорошо! Или лучше всё отдать?»

Примерно так размышлял Провалов по дороге до работы. Ещё час он метался по кабинету и пил коньяк с водкой. Потом резко остановился и плюхнулся в кресло, закрыл лицо руками и замычал что-то непонятное, качаясь из стороны в сторону. Выдохнул. Взял в руки телефон, набрал номер, прикрыл трубку рукой и глухо произнёс: «Алло, Юлий Поликарпович, Провалов беспокоит. Слушай, у меня к тебе дело...»

*

На следующей неделе по городу прошел слух, что Алек-

сандр Петрович в очередной раз уехал в отпуск вместе с сыном. По прошествии месяца начали говорить, будто в отпуске он заболел, и приезд обратно задерживается. Потом некоторые стали поговаривать, что он перевёл все свои деньги за границу и уехал туда с концами. По крайней мере, сейф на работе оказался открытым и пустым. Однажды его секретарша в кабаке, пьяная, в слезах отчаяния утверждала, что у Провалова был на Кипре дом, наверное, теперь он спокойно уехал туда, и будет доживать в нём старость без неё. Слух пошёл, а Глава все не объявлялся.

Тут у областного начальства начали возникать вопросы: как это – мэр взял и исчез? По факту пропажи возбуждили уголовное дело – полиция, прокуратура. Затем подключилась счётная комиссия – и открылись ужасающие растраты, факты хищений и коррупции. Заместителя Главы взяли под стражу, сестра с мужем успели скрыться за границу, а племянник стал ежедневным посетителем следственного комитета. Потом раскрыли махинацию с единым центром платежей, правда, её удалось замять за внушительную сумму. Затем выяснили столько всего, что за дело взялась генеральная прокуратура. Пытались дело замять, но сами чиновники начали трепать по углам.

Что тут началось! Разговоры за бутылкой водки на кухне стихийно переросли в споры на лавочке у подъезда, потом настал черед громких рассуждений в курилках на работе. Когда же эту тему затронул молодой журналист из мест-

ной газеты, а потом перепечатали федеральные новости, то терпение обывателей лопнуло, как трубы в мороз. Недовольные жители потянулись к зданию администрации нервно курить и устраивать митинги, дерзкие борзописцы – показывать с трибун секретные документы о воровстве чиновников, кокарды на фуражках – проверять документы и неофициально поддерживать демонстрантов. Затем следующий кандидат в мэры выложил немаленькую сумму, и в город понаехали репортёры с центральных каналов. Тут поднялась такая шумиха, что чиновники побежали с работы, как крысы с корабля. Страсти полыхали, утихая лишь во время выпусков новостей и показов сериалов. Полетели начальники, всё выше и выше, до тех пор, пока губернатор не ушёл в отставку

Градус терпения народа зашкалил за сорок по Цельсию и подбирался к крепости перцовки. А как же, глава города с семьёй скрылся за границей, обворовав город! Такого ещё не было. То есть было, но не так публично...

Полиция подключала свои силы, разыскивая беглеца, но безуспешно. Шум поутих, поток сенсаций обмелел, и через пару месяцев об этом стали благополучно забывать. Но тут – на тебе! В городе объявился сын Провалова: бледный, худой, с искорёженными руками. Он понятия не имел, где его отец, и ни в какой отпуск вместе с ним он не уезжал. На вопросы, где же он сам пропал столько времени, ничего вразумительного он не мог ответить. Говорил, что сидел в каком-то подвале. А в это время пришли ответы на официальные за-

просы о том, что Провалов за территорию страны не выезжал и за границей не объявлялся. Тогда все начали переглядываться и пожимать плечами, не в силах разгадать этот ребус. Короче говоря, не врили люди, когда говорили, что тот, кто перейдёт хозяину дорогу, обязательно пропадёт с концами.

Таков он был – Ильсид.

Фрагмент книжного сериала "Путь". [Полная книга по ссылке](#)